

Веневитинов Д. В. Разбор статьи о "Евгении Онегине", помещенной в 5-м N "Московского телеграфа" // Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. - СПб: Государственный пушкинский театральный центр, 1996. - С. 267-271.

<http://next.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-267-.htm>

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

Разбор статьи о "Евгении Онегине", помещенной в 5-м N "Московского телеграфа"

Если талант всегда находит в себе самом мерило своих чувствований, своих впечатлений, если удел его - попирает обыкновенные предрассудки толпы, односторонней в суждениях, и чувствовать живее другого творческую силу тех редких сынов природы, на коих гений положил свою печать, то какую бы мысль поражен был Пушкин, прочитав в "Телеграфе" статью о новой поэме своей, где он представлен не в сравнении с самим собою, не в отношении к своей цели, но верным товарищем Бейрона на поприще всемирной словесности, стоя с ним на одной точке?

"Московский телеграф" имеет такое число читателей, и в нем встречаются статьи столь любопытные, что всякое несправедливое мнение, в нем провозглашаемое, должно необходимо иметь влияние на суждение если не всех, то, по крайней мере, многих. В таком случае обязанность всякого благонамеренного - заметить погрешности издателя и противиться, сколько возможно, потоку заблуждений. Я уверен, что г. Полевой не оскорбится критикою, написанною с такою целью: он в душе сознается, что при разборе "Онегина" пером его, может быть, управляло отчасти и желание обогатить свой журнал произведениями Пушкина (желание, впрочем, похвальное и разделяемое, без сомнения, всеми читателями "Телеграфа").

И можно ли бороться с духом времени? Он всегда остается непобедимым, торжествуя над всеми усилиями, отягощая своими оковами мысли даже тех, которые незадолго перед сим клялись быть верными поборниками беспристрастия!

Первая ошибка г. Полевого состоит, мне кажется, в том, что он полагает возвысить достоинство Пушкина, унижая до чрезмерности критиков нашей словесности. Это ошибка против расчетливости самой обыкновенной, против политики общежития, которая предписывает всегда предполагать в других сколько можно более ума. Трудно ли бороться с такими противниками, которых заставляешь говорить без смысла? Признаюсь, торжество незавидное. Послушаем критиков, вымышленных в "Телеграфе".

"Что такое "Онегин"? - спрашивают они. - Что за поэма, в которой есть главы, как в книге, и пр.?"

Никто, кажется, не делал и, вероятно, не сделает такого вопроса; и до сих пор, кроме издателя "Телеграфа", никакой литератор еще не догадывался заметить различие между *поэмою* и *книгою*.

Ответ стоит вопроса.

"*"Онегин"* - отвечает защитник Пушкина, - *роман в стихах, следовательно, в романе допускается употребить разделение на главы*; и пр."

Если г. Полевой позволяет себе такого рода заключение, то не в праве ли я буду таким же образом заключить в противность и сказать: "*"Онегин"* - роман в стихах; следовательно, в стихах непозволительно употребить разделения на главы", но наши смелые силлогизмы ничего не доказывают ни в пользу "Онегина", ни против него, и лучше предоставить г. Пушкину оправдать самим сочинением употребленное им разделение.

Оставим мелочный разбор каждого периода. В статье, в которой автор не предположил себе *одной* цели, в которой он рассуждал, не опираясь на *одну основную* мысль, как не встречать погрешностей такого рода? Мы будем говорить о тех только ошибках, которые могут распространять ложные понятия о Пушкине и вообще о поэзии.

Кто отказывает Пушкину в *истинном таланте*? Кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что он подарил нашу словесность прелестными произведениями? Но для чего же всегда сравнивать его с Бейроном, с поэтом, который, духом принадлежа не одной Англии, а нашему времени, в пламенной душе своей сосредоточил стремление целого века, и если б мог изгладиться в истории частного рода поэзии, то вечно остался бы в летописях ума человеческого?

Все произведения Бейрона носят отпечаток одной глубокой мысли - мысли о человеке в отношении к окружающей его природе, в борьбе с самим собою, с предрассудками, врезавшимися в его сердце, в противоречии с своими чувствами. Говорят: в его поэмах мало действия. Правда - его цель не рассказ; характер его героев не связь описаний; он описывает предметы не для предметов самих, не для